

Н. А. ЛЕЙКИНЪ.
Leikin, Nikolai Aleksandrovich.

НЕУНЫВАЮЩІЕ

ОССІЯНІЕ

РАЗСКАЗЫ И КАРТИНКИ СЪ НАТУРЫ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,

исправленное и дополненное.

Двѣ неволѣ (повѣсть). — Коновалъ (разсказъ). — Божій человекъ (повѣсть). — Изъ жизни забитаго человека (разсказъ въ письмахъ). — Наше дачное прозябаніе (очерки): I. Лѣсной. — II. Черная рѣчка. — III. Новая Деревня. — IV. Парголово. — V.. Коломаги. — VI Крестовскій Островъ. — VII. Волынкина Деревня. — VIII. Карповка. — IX. Павловскъ. — X. Ораниенбаумъ. — XI. Каменный Островъ. — XII. Старая Деревня. — XIII. Съ дачи въ городъ. — Картинки съ натуры: I. Новый годъ. — II. На святкахъ. — III. Не по нынѣшнимъ временамъ. — IV. Въ приемной благодѣтеля. — V. Скромная свадьба. — VI. У церкви. — VII. У гадалки. — VIII. Штурмъ. — IX. Зубная боль. — X. Читатель газетъ. — XI. Въ библиотекѣ. — XII. На живорыбномъ садкѣ. — XIII. У подъѣзда Пассажа. — XIV. Двѣсти тысячъ. — XV. У доктора. — XVI. Наемъ квартиры. — XVII. На пожарѣ. — XVIII. Въ мелочной лавочкѣ. — XIX. Въ вагонѣ и на имперіалѣ. — XX. Засидки. — XXI. Вотъ тебѣ и дача! — XXII. Свадьба. — XXIII. На тонахъ. — XXIV. Наканунѣ чистаго поне-дѣльника. — XXV. Былинка и Дубъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія д-ра М. А. Хана, Поварской пер., д. № 2.

1881.

891.78

L532ne

1881

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Дѣтї неволи (повѣсть былаго времени)	1
Моновалъ (разсказъ).	41
Человѣкъ Божій (очеркъ).	66
Изъ жизни забитаго человѣка:	
I. Отъ купческаго сына Михаила Григорьева Армякова, къ другу его Пантелѣю Иванычу Мамзину въ Москву.	79
II. Отъ Іерея Игоря Силоамскаго къ купцу Григорію Кузьмичу Армякову.	80
III. Отъ купческаго сына Михаила Армякова къ другу его Пантелѣю Мамзину.	81
IV. Отъ купческаго сына Михаила Армякова къ Пантелѣю Мамзину.	82
V. Отъ Михаила Армякова къ Пантелѣю Мамзину	83
VI. Отъ Михаила Армякова къ Пантелѣю Мамзину	84
VII. Отъ купческаго сына Михаила Армякова къ Екатеринѣ Кроликовой.	85
VIII. Отъ Екатерины Кроликовой къ купческому сыну Михаилу Армякову.	86
IX. Отъ купческаго сына Михаила Армякова къ Пантелѣю Мамзину.	—
Наше дачное прозябаніе:	
I. Лѣсной.	87
II. Черная рѣчка	92
III. Новая деревня	97
IV. Парголово	103
V. Коломяги.	109
VI. Крестовскій островъ.	115
VII. Волинкина деревня	122
VIII. Карповка.	129
IX. Павловскъ.	137
X. Ораніенбаумъ.	145
XI. Каменный островъ.	152
XII. Старая деревня.	160
XIII. Съ дачи въ городъ	167

Картинки съ натуры:

I. Новый годъ	174
II. На святкахъ	179
III. Не понынешнимъ временамъ	183
IV. Въ приемной благодѣтеля	189
V. Скромная свадьба	193
VI. У церкви	199
VII. У гадалки	202
VIII. Штурмъ	206
IX. Зубная боль	209
X. Читатель газетъ	213
XI. Въ библіотекѣ	218
XII. На живорыбномъ садкѣ	221
XIII. У подъѣзда Пассажа	224
XIV. Двѣсти тысячъ	227
XV. У доктора	231
XVI. Наемъ квартиры	237
XVII. На пожарѣ	243
XVIII. Въ мелочной лавкѣ	248
XIX. Въ вагонѣ на имперіалѣ	254
XX. Засидки	258
XXI. Вотъ тебѣ и дача	263
XXII. Свадьба	268
XXIII. На тонахъ	271
Наканунѣ чистаго понедѣльника	277
Былинка и Дубъ	284

ДВѢ НЕВОЛИ.

(повѣсть былаго времени).

I.

ВЪ НАЧАЛѢ 1860 года, когда уже слухи объ освобожденіи крестьянъ перестали быть тайною, въ одной изъ усадебъ Т—ской губерніи, въ кабинетѣ, уставленномъ жесткою мебелью и увѣшанномъ охотничьими принадлежностями и картинами нескромнаго содержанія, за письменнымъ столомъ сидѣлъ помѣщикъ Петръ Петровичъ Перестаровъ. Перестаровъ былъ въ халатѣ, въ торжковской шитой золотомъ мурмолкѣ, курилъ трубку съ длиннымъ чубукомъ и просматривалъ списокъ своихъ крѣпостныхъ, отпущенныхъ на оброкъ. Передъ нимъ въ почтительномъ отдаленіи, наклонясь орпусомъ впередъ и заложивъ за спину руки, стоялъ прикащикъ, длинный и худой среднихъ лѣтъ малый, въ длиннополомъ сюртукѣ и брюкахъ на выпускъ. Даже и плохой фizioномистъ при взглядѣ на фигуру Перестарова тотчасъ же опредѣлилъ-бы въ немъ военнаго человѣка. Гладко выстриженные волосы, одутловатое красное лицо, круглые щетинистые усы, крупные губы, быстрые до дерзости сѣрые глаза, коренастость, переходящая въ дородность, и поминутное подбочениванье—вотъ вамъ его портретъ. Перестаровъ былъ бездѣтный вдовецъ, служилъ въ кавалеріи, лѣтъ десять тому назадъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ помѣстьѣ, забавляясь охотою и «мамзюльками», какъ онъ называлъ своихъ двухъ крѣпостныхъ дѣвушекъ, которыя жили у него, въ мезонинѣ его дома, и цѣлый день проводили въ грызнѣ подсолнечныхъ зеренъ и кедровыхъ орѣховъ, или же въ перебранкѣ изъ-за какого-нибудь платка, барскаго подарка. Дѣвушки эти находились въ интимныхъ от-

ношеніяхъ съ бариномъ. Дворня, обязанная имъ прислуживать, ненавидѣла ихъ, бранила за глаза и называла «барскими барынями». И такъ Перестаровъ курилъ и пересматривалъ списокъ оброчныхъ крѣпостныхъ. Пересмотръ этотъ дѣлался съ цѣлью надбавки оброка.

— Александра Петровна. Тридцать рублей... Какая такая? спросилъ онъ, пустивъ клубъ дыму и вскинувъ на прикащика глаза.

— А это, извольте видѣть, Сашка, Марфина дочь. Прачка Марфа была, что позапрошлый годъ умерла. Эту самую Сашку она, значить, съ солдатомъ пригуляла...

— А! Помню. Покойница барыня ее въ ученье, въ модистки отдала.

— Точно такъ-съ. Она теперича въ Петербургѣ у мадамы въ магазинщикахъ будетъ.

— Мало тридцати рублей. Родни нѣтъ, помогать не кому. Пусть пятьдесятъ платитъ. Ей черезъ мѣсяцъ срокъ паспорту. Напиши ей.

— Слушаю-съ. Это, Петръ Петровичъ, доподлинно на нее надбавить можно, потому, когда я лѣтось въ Питерѣ былъ, она мнѣ сказывала, что пятнадцать рублей въ мѣсяцъ у мадамы получаетъ, заговорилъ прикащикъ. — Дѣвчонка молоденькая, смазливенькая... Чтожъ, и на сторонѣ, пожалуй еще на порядкахъ достанетъ.

Прикащикъ тряхнулъ волосами.

— Само-собой, ободрилъ его баринъ. — А ты думалъ какъ? Питеръ-то вѣдь городъ-забалуй.

Послѣ Александры Петровой пошли Сидоры Михайловы, Вавилы Степановы и пр. И на нихъ также рѣшено было наложить: на кого пять, на кого десять, пятнадцать рублей. Просмотръ списка кончился. Баринъ сидѣлъ, съ остервенѣніемъ курилъ трубку, выбивалъ пальцами по столу зорю и что-то соображалъ. Прикащикъ все еще стоялъ и изрѣдка откашливался въ руку.

— Ну, ступай, Герасимъ. Напиши.

Прикащикъ поклонился и направился вонъ изъ кабинета.

— Герасимъ! окликнулъ его баринъ.

Онъ остановился.

— Ты, говоришь, хороша эта Сашка? спросилъ его баринъ. — Ты ее видѣлъ?

— Отмѣнно хороша. Теперича, извольте видѣть, не крупна она, ростомъ невеличка, только кругла и аппетитна. Дѣвчонка въ акуратъ будетъ. Девятнадцатый годъ пошелъ.

Баринъ облизнулъ усы и улынулся.

— Ну, ступай! Такъ напиши же смотри, сказалъ онъ.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ прикащикъ и снова поклонился, тряхнувъ волосами.

Сапоги его уже скригѣли въ третьей комнатѣ, какъ вдругъ баринъ потеръ себѣ лобъ, сильно затынулся трубкой и во все горло крикнулъ:

— Герасимъ!

Прикащикъ снова появился на порогѣ кабинета.

— Не писать ей ничего объ оброкѣ. Я отдумалъ. Мы ее сюда возьмемъ. Пусть моихъ мамзюлекъ обшиваетъ, а то тѣ дуры иглы взять въ руки не умѣютъ, порядочнаго платышка сшить себѣ не могутъ и всякая одежда на нихъ какъ на коровахъ сидитъ. Такъ не посылать Сашкѣ паспорта, а написать ей, что я ее къ себѣ требую. Пусть сюда прѣдетъ, закончилъ баринъ, всталъ и заходилъ по кабинету, дымя трубкой.

Результатомъ всего этого было то, что вечеромъ того же дня прикащикъ сидѣлъ въ конторѣ и строчилъ слѣдующее письмо:

«Любезная Александра Петровна!»

«Въ первыхъ сихъ строкахъ свидѣтельствуемъ вамъ свое почтеніе и низко кланяемся, а также симъ спѣшимъ увѣдомить, что въ семь году баринъ вашъ воспретили вамъ высылать пашпортъ на прожительство, такъ какъ вы, по его барской волѣ, оказались ему по домашеству нужны; въ силу чего онъ приказываетъ вамъ явиться въ деревню немедленно по окончаніи срока пашпорту вашему. Значить, вы пашпорта онаго не ждите и obroka не высылайте. При семь присовокупляю, чтобъ вы не пужались, такъ какъ они злобы или гнѣва на васъ не чувствуютъ, а собственно требуютъ васъ для домашняго обихода. Сожительница моя свидѣлствуетъ вамъ почтеніе и заочно съ любовію низко кланяется, а также и всѣ дворовые. Отправляясь изъ Петербурга, захватите съ собою для насъ съ сожительницею полфунта чаю и пятокъ лимоновъ, такъ какъ мы здѣсь хорошаго не имѣемъ и весь чай, что въ городѣ ни купишь, завсегда отзывается прелью или навозомъ. Новостей никакихъ нѣтъ, окромя развѣ того, что у насъ на погостѣ объ Михайловѣ днѣ опился пономарь и Богу душу отдалъ.

«Вашъ покорный слуга прикащикъ села Перестаровки-Рыбицы, тожъ Герасимъ Кузьминъ сынъ, Колотушкинъ».

Съ вечера, ложась спать, прикащикъ сказалъ супругѣ:

— А вѣдь Сашѣ-то не миновать мезонина... Попадетъ въ мамзюльки. Ужъ это вѣрно: потому давеча меня разспрашивалъ какова она изъ себя.

— Ой! Врешь?! проговорила прикащица.—Экая ненасытная утроба! Неушто ему, Ироду, двухъ-то мало? добавила она и черезъ пять минутъ начала всхрапывать.

На-утро письмо покатило въ Петербургъ.

II.

На Морской, въ мастерской комнатѣ моднаго магазина мадамъ Ривьеръ, сидѣли мастерицы и шили. Начинался зимній вечеръ. Было пять часовъ. Рожки газа подъ матовыми колпаками ярко освѣщали лица мастерицъ, ихъ работу, обрѣзки матерій и бумажнаго болвана, лежавшаго на столѣ. Мастерицы были большею частью молодыя дѣвушки; почти всѣ были недурны собой, но одна изъ нихъ отличалась особенною миловидностію. Это была полная высокаго роста дѣвушка лѣтъ восемнадцати, съ быстрыми глазками, съ роскошными волосами и чуть замѣтными ямочками на щекахъ. Вся фигура ея дышала свѣжестью и молодостию; хорошо спитое кембриковое платье кокетливо обхватило ея стройный, гибкій станъ. Дѣвушка эта была Александра Петровна, та самая «Сашка», которую, какъ мы уже видѣли, помѣщикъ Перестаровъ приказалъ вытребовать въ деревню. Она шила и мурлыкала себѣ подъ носъ какую-то заунывную пѣсню.

— Ну, Саша, брось!... Что тоску-то затынула, сказала ей соседка по работѣ. — Лучше поговоримъ объ чемъ-нибудь.

— О чемъ же говорить-то? Ужъ и то, кажется, обо всемъ переговарили. Вотъ кофеинку надо купить, потому весь выпелъ.

— Ну вотъ кофеинку! За кофеинкомъ стоитъ только внизъ спуститься, а ты подумай-ко лучше какъ бы намъ на маскарадъ билетиками раздобыться. Въ субботу на будущей недѣлѣ маскарадъ въ Нѣмецкомъ клубѣ. Вотъ, дѣвушка, кабы не надсмѣялись мы прошлый разъ надъ Петромъ Гаврилычемъ, такъ билеты-то были бы. Не плюй въ колодезь, — пригодится водицы напиться!

— Ну его, Петра Гаврилыча! Ты думаешь онъ на что бьетъ? сказала Саша и прибавила съ улыбкой: — Извѣстно ужъ на что... Только ошибается... Оттого я и насмѣхалась надъ нимъ. Ему вѣтренницъ надо, такъ какихънибудь...

— Эка неприступная! послышалось гдѣ-то.

— А то какъ же? Я, дѣвушка, себя берегу, потому я замужъ хочу. Вонъ все говорятъ, что скоро воля будетъ. Чтожъ, можетъ на нашу долю какой и найдется немудренъкій прикащикъ.

— Знаемъ, знаемъ на кого ты мѣтишь. Знамъ, кто отъ Казанской отъ обѣдни-то тебя всякій разъ провожаетъ, заговорили дѣвушки.

— А хоть-бы и на него бью? Человѣкъ смирный, учтивый, не ахальникъ какой-нибудь, ну и не дурень. А главное, я его знаю

давно, сколько сама въ Петербургѣ. Я его помню, когда еще онъ въ прикащики вышедши не былъ.

— Ну, такъ вотъ и попроси у него два билетика. Что же, коли онъ тебя своимъ предметомъ считаетъ, такъ ужъ можетъ, чай, на это-то развориться.

— И достанетъ, безпремѣнно достанетъ, только я сама не хочу, отвѣчала Саша.

— Э, дѣвушка! Стоить о билетахъ толковать! воскликнула высокая брюнетка, расправляя усталую спину. Захочу, такъ хоть пятокъ достану. Стоить только къ Шапкину въ лавку сходить!

Воцарилось молчаніе. Слышно было, какъ стучалъ маятникъ стѣнныхъ часовъ, какъ звякали ножницы, брошенныя на столъ, какъ откусывалась нитка.

— Нѣмецъ родился, послышалось на концѣ стола.

— Не люблю я нѣмцевъ, сказала высокая брюнетка. — Вотъ какой хочешь, хоть золотой присватайся — ни за что не пойду.

— А я такъ слыхала другую примѣту. Покойница маменька мнѣ говорила, что когда тихо, такъ въ это время чья-нибудь душа изъ тѣла вылетаетъ.

— А страшно умирать. Зароютъ тебя это...

Разговоръ перешелъ на смерть, на предчувствія, на сны, на видѣнія. Каждая рассказывала все что она слыхала и что знала по этому предмету, какъ вдругъ дверь отворилась и въ комнату вошла хозяйка, мадамъ Ривьеръ. Дѣвушки умолкли.

Хозяйка держала въ рукахъ письмо.

— Александра Петровъ! Саша! вамъ письмо, сказала она ломанымъ языкомъ.

Саша вадрогнула, краска бросилась ей въ лицо, сердце сильно забилось. «Откуда это?» недоумѣвала она, взявъ письмо, быстро сломала сургучъ и начала читать. Дочитавъ до половины, она опустила руки и заплакала.

— Что съ тобой, Саша! Что? начали ее спрашивать товарки.

— Въ деревню требуютъ. Баринъ требуетъ, еле могла она выговорить, и облокотившись руками на столъ и положив на нихъ голову, громко зарыдала.

Письмо начало ходить по рукамъ. Брала и смотрѣли на него всѣ, даже и неграмотныя. Пришла снова хозяйка, и узнавъ въ чемъ дѣло, пожала плечами, покачала головой и обоввала барина и всѣхъ русскихъ варварами. Она жалѣла Сашу. Саша была хорошая работница.

— Ну, что же теперь ей дѣлать надо? спросила она мастерицъ.

— Бхать надо, мадамъ, въ деревню или откупиться. Деньги нужно послать. Аржанъ... пояснили ей насколько могли дѣвушки.

— Что это стоитъ? спросила она.

— Дорого, мадамъ: дешевле трехъ сотъ рублей нельзя... Труа санъ... А можетъ быть и совсѣмъ откупиться нельзя, коли баринъ заупрямится. Баринъ съ своей крѣпостной, что хочетъ можетъ сдѣлать.

— И убивать можетъ? спросила Ривьеръ.

— Были случаи, что и убивали и то не отвѣчали.

— О, какой варвары! воскликнула французенка, всплеснула руками и отправилась сообщать объ этомъ своему мужу.

А Сапа все рыдала и рыданія ея перешли наконецъ въ истерику. Товарки суетились около нея, давали ей пить воду, примачивали голову. Въ этотъ вечеръ она уже не могла больше работать.

III.

Всю ночь Сапа не могла сомкнуть глазъ и проплакала. Тяжелыя думы давили ей сердце. «Господи! Какая я безталанная!» сквозь слезы шептала она. «Что дѣлать? Что дѣлать?» спрашивала она себя и не находила отвѣта. «Откупиться?» думалось ей. «Но гдѣ взять деньги?» Она перебирала все свое имущество, которое можно продать или заложить, но не набиралось и трети суммы. Судя по прачкѣ изъ одной съ нею деревни, которая откупилась въ прошломъ году, Сапа считала, что ежели баринъ и возьметъ съ нея выкупъ, то отнюдь не меньше трехъ сотъ рублей. Мысленно искала она знакомыхъ у кого можно было бы занять такую сумму, но знакомыхъ не было. Жизнь въ деревнѣ, въ барскомъ домѣ, безъ возможности заработать хоть копѣйку, казалось ей неизбежною. «А баринъ?— Говорятъ, онъ волокита. Ни одной хорошенькой дѣвушки въ селѣ не пропускаетъ. Что, ежели онъ и на меня польстится? Вѣдь баринъ все можетъ сдѣлать», и при этой мысли кровь быстро прилиwała ей въ голову.

И въ самомъ дѣлѣ, положеніе ея было ужасно. Привыкши, живя у французенки, къ болѣе или менѣе независимой жизни, одѣваясь на свои трудовыя деньги по желанію, получая нѣкоторые развлечения, имѣя въ Петербургѣ кой-какія знакомства, привязанности, она должна была перенестись въ міръ дворни, въ міръ ежедневнаго неоплаченнаго труда, пользуясь обѣдками и лохмотьями, которыя заблагодарасудить ей дать баринъ, имѣющій неограниченную власть

надъ ея дѣйствіями и тѣломъ. Только подъ утро, ослабши отъ слезъ, уснула Саша и уснула тяжелымъ сномъ.

На другой день опять тѣже думы, тоже болѣзненное сжиманіе сердца. Подруги и хозяйка жалѣли ее. Но что онѣ могли для нея сдѣлать?

— Надо, дѣвушки, за ней присматривать, потому какъ бы тутъ грѣха не было, говорила одна изъ подругъ. Вишь, она совсѣмъ деревянная отъ горя сдѣлалась, а ужъ коли эта деревянность нападетъ, такъ тутъ и до грѣха недолго. Вотъ когда я въ ученьи жила, такъ у насъ также одну дѣвушку въ деревню потребовали, такъ что вы думаете?—вѣдь въ канаву бросилась. Насилу вытащили.

Вечеромъ хозяйка, мадамъ Ривьеръ, подошла къ Сашѣ, похлопала ее по плечу и взяла за подбородокъ.

— *Raunce enfant!* сказала она. *Ne pleure pas!* Не плачь. Можетъ все будетъ хорошо. Я тебѣ дамъ сто рублей и ты получишь свои пятьдесятъ за работу. Купи.

— Благодарствуйте Адельфина Карловна. Вы добрыя, отвѣчала Саша, кланяясь и улыбаясь сквозь слезы. Только въ деревню-то все-таки надо ѣхать. Нужно будетъ съ бариномъ поговорить, условиться. Да еще отпустить ли?

Лучъ на спасеніе мелькнулъ, Саша немного прояснилась. Она имѣла полтора ста рублей, а на пятьдесятъ могла продать платья, а остальные гдѣ-нибудь занять.

«Вонъ Катерину за триста рублей отпустилъ, подумала она.— Никола угодникъ Божій помощи мнѣ! Заступница матеръ Божія!...» шептала она и рѣшила завтра же идти въ Гостиный дворъ посоветываться съ прикащикомъ Василиемъ Степанычемъ, тѣмъ самымъ, который, по увѣренію товаровъ, былъ ея «предметъ и завсегда отъ обѣдни изъ Казанской провожалъ». Она положила себѣ просить его, чтобы онъ, въ случаѣ надобности, занялъ для нея гдѣ-нибудь сто рублей.

И незначительный лучъ надежды успокаиваетъ иногда болящее сердце. Вторую ночь Саша провела спокойнѣе и на утро отправилась въ Гостиный дворъ.

Василій Степановичъ былъ въ лавкѣ, стоялъ за прилавкомъ и продавалъ какой-то дамъ кружево. Это былъ еще молодой человѣкъ, недуренъ собой, скромно одѣтый. Онъ не принадлежалъ къ такъ называемой породѣ прикащиковъ-франтиковъ или «шикарей». Не было ни завитыхъ въ барашку волосъ, ни усовъ, закрученныхъ въ шпильки, ни яркихъ клѣтчатыхъ брюкъ, ни массивной цѣпочки новаго золота съ кучею брелоковъ. Ему было двадцать шесть лѣтъ, но какъ брюнетъ, онъ казался старше.

Саша вошла въ лавку и попросила подобрать подъ цвѣты какого-то линючаго обрашника лентъ. Обрашникъ этотъ она взяла съ умысломъ, чтобы имѣть предлогъ войти въ лавку. Лентъ, разумѣется, не нашли. Василій Степанычъ, продавъ дамъ кружево, подошелъ къ Сашѣ.

— Здравствуйте, Александра Петровна. Что это вы такія блѣдныя и скучныя? спросилъ онъ. — Здоровы-ли?

— Здорова-то, здорова, Василій Степанычъ, только горе у меня, и большое горе, отвѣчала она. — Говорить-то только здѣсь не ловко...

На глазахъ ея заблестали слезы, сдавило горло, голосъ осѣкся.

— Выйдемте на галерею.

Они вышли на галерею Гостинаго двора.

— Баринъ меня въ деревню требуетъ. Я вѣдь крѣпостная, сказала Саша.

— Крѣпостная? Какъ-же быть-то?

— Ъхать надо.

— А откупиться нельзя?

— Богъ знаетъ, еще отпуститъ-ли баринъ. Я вотъ къ вамъ пришла посоветываться, такъ какъ вы единственный мужчина изъ моихъ знакомыхъ.

— Благодарю за довѣріе, сказалъ онъ. — Откупиться нужно, во что-бы ни стало.хлопотать надо. Изъ хорошей-то жизни, да вдругъ во дворъ... Вѣдь это ужасъ! прибавилъ онъ.

— Ежели-бы знали еще баринъ-то какой. Ни одной дѣвушкѣ проходу не даетъ.

Василій Степанычъ покачалъ головой.

— Деньги-то у васъ есть? спросилъ онъ.

— Двѣсти рублей у меня будутъ, наберу; только баринъ ни за что меньше трехъ-сотъ не отпуститъ, потому прошлый годъ ужъ примѣръ былъ съ одной дѣвушкой.

Воцарилось молчаніе. Василій Степанычъ щипалъ усь и думалъ.

— Откупиться нужно, прервалъ онъ наконецъ молчаніе и вдругъ покраснѣлъ. — Послушайте, я вамъ сто рублей дамъ. хлопочите скорѣе, а тамъ возвратите, когда въ силахъ будете...

— Благодарствуйте, Василій Степанычъ! Доброе дѣло вы дѣлаете, сказала Саша и протянула ему руку. — А ѣхать-то все таки надо, потому, кто-же условливаться будетъ? Ахъ, кабы Господь помогъ! Пѣшкомъ-бы на богомолье сходила, добавила она.

— А списаться нельзя?

— Нельзя; на будущей недѣлѣ срокъ пашпорту. Кто-жъ съ просроченнымъ пашпортомъ меня держать-то будетъ? Да и еще хуже рассердишь его непослушаніемъ-то.

Сапа начала прощаться.

— Въ Воскресенье въ церкви увидимся?

— Приду. Въдь еще не обо всемъ переговорили-то, отвѣчала она и пошла по галлерей.

Василій Степанычъ смотрѣлъ ей въ слѣдъ и любовался на ея стройный станъ, на ея красивую походку. Какъ бы какой-то тяжелый камень легъ на его сердцѣ. Сапа нравилась ему. Когда она скрылась изъ глазъ, онъ вошелъ въ лавку.

— Съ наслѣдникомъ поздравляемъ! Ай да Вася! Молодецъ! заговорили другіе прикащики, окружая его.

Началось хлопанье по плечу, хватаніе за фалды, сбиваніе прически.

— Дурачье вы этакое! Ничего вы не понимаете. Только дѣвушку позорите, отбивался отъ нихъ Василій Степанычъ.

— Конечно, ничего не понимаемъ... Гдѣ намъ! Все несмышленки съ коломенскую версту. А отчего-же она плакала? Ну-ко, скажи! И ништо, не заводи неприступную. А теперь, братъ, любишь кататься—люби и саночки возить! Какъ сына-то назовешь?

— Какъ не стыдно, господа! Эко дурачье! И Василій Степанычъ рассказалъ о своемъ разговорѣ съ Сашей.

— Баринъ требуетъ! Знаемъ мы этого барина-то! Это въ свивальничкѣ, съ сосочкой во рту? надоѣдали ему прикащики и весь день не давали покою.

IV.

Было Воскресенье. Залъ третьяго класса, Николаевской желѣзной дороги былъ биткомъ набитъ простымъ народомъ съ котомками въ рукахъ и за плечами. Пахло тулупами, потомъ и чѣмъ то съѣстнымъ. Всѣ ожидали поѣзда, отправлявшагося въ Москву. Звонка еще не было. Въ уголкѣ, около своихъ двухъ необъемистыхъ мѣшковъ, стояла и Александра Петровна въ сообществѣ двухъ подругъ и Василя Степаныча. Одѣта она была въ бѣличій салопъ съ воротникомъ въ хвостахъ и въ капоръ. Глаза ея были красны отъ слезъ. Она ѣхала въ деревню.

— Александра Петровна! Надѣньте валенки то... Ей-Богу, будетъ холодно. Отморозите ноги-то... говорилъ Василій Степанычъ, суетясь около нея.

— Тамъ въ вагонѣ одѣну. Теперь не холодно. А коли отморожу ноги, такъ еще лучше. Пусть барину съ отмороженными ногами достанусь, отвѣчала она съ горькой улыбкой.

— Сейчасъ же, смотрите, пишите, какъ съ баринѣмъ на счетъ отпускной уладитесь. Мы вамъ живо и деньги вышлемъ.

— Охъ, трудно что-то вѣрится, чтобы онъ согласился!

— Ну, Богъ милостивъ, Сапа! Полно тужить! утѣшали ее подруги.

— Насчетъ своей муфты не безпокойся, я ее каждый день трясти буду, прибавила одна изъ нихъ.

— Съ бариномъ-то, смотри, поласковѣе... Ты вѣдь иногда горячку порешь. Знаю я... сказала другая. Да вотъ еще что... Примѣта есть. Вы, Василий Степановичъ, не смѣйтесь. Какъ пойдешь насчетъ вольной говорить, куриную ногу въ карманъ положи. Когда въ какомъ-нибудь успѣхѣ сомнѣваются, такъ это, говорятъ, очень помогаетъ, добавила она.

Раздался звонокъ. Началось цѣлованіе. Народъ повалилъ садиться въ вагоны. Александра Петровна заплакала и также начала прощаться, звонко цѣлуясь съ подругами.

— Позвольте ужъ и мнѣ поцѣловаться, сказалъ Василий Степанычъ и три раза поцѣловалъ Александру Петровну.

Дѣвушки толкнули другъ друга въ бокъ. Глаза Василия Степаныча были влажны. Нижняя губа тряслась. Чтобы скрыть слезы, онъ схватилъ мѣшки, стиснулъ губы и опрометью бросился къ выходу. Дѣвушки бросились за нимъ. На платформѣ повторилось опять цѣлованіе, и Александра Петровна сѣла въ вагонъ. Лице ея виднѣлось у окна. Василий Степанычъ сунулъ сторожу пятиалтынный, вошелъ за рѣшетку и подошелъ къ окну вагона. Стекло окна опустилось.

— Прощайте, сказала тихо Александра Петровна, наклонясь къ нему. Въ субботу, вы будете въ маскарадѣ, а я можетъ быть, по волѣ барина, на скотномъ дворѣ.

Ну, зачѣмъ это? Зачѣмъ? упрекалъ ее Василий Степанычъ и прибавилъ: Александра Петровна, не выходите тамъ замужъ, ежели случится.

— За кого? спросила она съ горькой улыбкой. Развѣ баринъ силой выдастъ.

Послышался третій звонокъ. Начали захлопывать двери вагоновъ. Кондукторы засвистѣли.

— Прощайте! Вспоминайте... а это вотъ прочтите... проговорилъ скороговоркой Василий Степанычъ, сунувъ Александрѣ Петровнѣ въ руки письмо, и ушелъ за рѣшетку.

Поездъ тронулся. Пассажиры начали креститься.

— Не хочется коню-то изъ конюшни идти, застоялся... острить кто-то. Какая-то женщина укачивала плачущаго ребенка; какая-то купчиха уже вынимала изъ узелка ватрушку и принималась ѣсть, какой-то мужикъ въ тулупѣ уже лѣзъ спать подъ лавку. За спиной Александры Петровны монахъ разговаривалъ съ купцомъ.

— И куполъ этотъ чудодѣйственною силою приплылъ къ намъ

противъ теченія на камнѣ, слышалось ей. И бесплодное, пещанное мѣсто, гдѣ онъ остановился, превратилось въ ниву цвѣтущую. На семъ мѣстѣ щедротами доброхотныхъ дателей и воздвигли...

Александра Петровна распечатала письмо, данное ей Василиемъ Степанычемъ, и начала читать. Въ письмѣ стояло слѣдующее:

«Добрѣйшая Александра Петровна! Ангелъ Божій! Сашенька! Съ чего начать? Господи, съ чего начать? Вы уже замѣтили мою къ вамъ склонность. Боже мой, я влюбленъ въ васъ, хотя и знаю, что не стою пальца вашего. Прошлый разъ вы сказали въ клубѣ, что я хорошій человекъ, такъ я отъ этого слова и ночь не спалъ. Сердце мое болитъ объ васъ и объ вашихъ несчастіяхъ. Откупайтесь, ангелъ небесный, откупайтесь и тогда, ежели баринъ запроситъ пятьсотъ рублей. Эти деньги найдемъ и я выплчу. Я влюбленъ въ васъ съ благороднымъ намѣреніемъ и предлагаю вамъ свою руку и сердце. Заживемъ хорошо. Вы будете по прежнему заниматься своимъ дѣломъ, а я своимъ. Дядя обѣщаетъ мнѣ дать двѣ тысячи и откроемъ лавку. Не вѣкъ-же въ людяхъ жить. Пишите, голубушка, пишите! Берегите свое здоровье! Помогите вамъ Богъ!»

«Извѣстный вамъ и влюбленный въ васъ

Василій Запиревъ».

Прочитавъ письмо, Александра Петровна заплакала. «Господи помоги мнѣ. Угодники Божіи!»; шептала она и принялась снова читать письмо.

— Что, барышня, родителейъ вспомнули или женишка въ Питерѣ оставили? съ участіемъ спросилъ ее какой-то мѣщанинъ въ бараньей крытой шубѣ.

Она отвѣчала что-то не впопадъ и продолжала перечитывать письмо. Монахъ все еще велъ свой рассказъ:

— И семь дней и семь ночей бѣсы во образѣ обнаженныхъ и безстыдныхъ блудницъ смущали старцевъ, но бдѣніемъ и постомъ старцы превозмогли... говорилъ онъ купцу, но Александра Петровна не слыхала уже больше его словъ. Она была углублена въ чтеніе.

Паровозъ мчался. Станціи перемѣнялись. По мѣрѣ приближенія къ мѣсту, сердце Александры Петровны болѣзненно сжималось все болѣе и болѣе. Она уже перестала плакать. Вотъ и станція, гдѣ ей нужно выходить. Кондукторъ громко выкрикнулъ названіе. Она вышла на платформу. Ее окружили мужики и предлагали довести до мѣста.

— Въ Перестаровку, сказала она.

— А клади у васъ много?

— А вотъ все тутъ,

— Что-жъ, барышня, рубликъ положьте!